

---

## ИСПАНСКАЯ «ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ» В ВОСПОМИНАНИЯХ НОВГОРОДЦЕВ, ПЕРЕЖИВШИХ ОККУПАЦИЮ

*Б. Н. Ковалев*

**Аннотация:** В 1941–1943 гг. на Восточном фронте в качестве союзника нацистской Германии находилась добровольческая испанская «Голубая дивизия». С октября 1941 по август 1942 г. она дислоцировалась в районе озера Ильмень, около Новгорода. Затем ее перевели под Ленинград. В этой статье в качестве фактического источника используются как акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), так и образцы интервью с очевидцами, которые провел автор данного исследования. Виды документов ЧГК (1945 г.), в которых упоминаются испанские военнослужащие, достаточно разнообразны. К ним относятся опросы свидетелей, заявления пострадавших, акты о нанесенном ущербе, установление лиц, повинных в совершении преступлений. Интервью с очевидцами проводились через 70 лет. Большинство респондентов – женщины 75–80 лет, а также младшие родственники лиц, переживших оккупацию.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война; оккупационный режим; испанская «Голубая дивизия»; воспоминания мирных жителей; переживших оккупацию.

### ***SPANISH BLUE DIVISION IN THE MEMORIES OF NOVGORODIANS WHO SURVIVED THE OCCUPATION***

**Abstract:** In 1941–1943, the volunteer Spanish Blue Division was on the Eastern Front as an ally of Nazi Germany. From October 1941 to August 1942, it was deployed in the area of Lake Ilmen near Novgorod. Later it was deployed in Leningrad. This article analyzes both the reports of the Extraordinary State Commission (ESC) and interviews with eyewitnesses conducted by the author of this study. The types of documents of the ESC (1945), in which the Spanish military personnel are mentioned, are quite diverse. These include interviews with witnesses, statements of victims, reports on damage, identification of persons guilty of crimes. The author conducted interviews with eyewitnesses 70 years after the ESC reports were made. Most of the respondents are women aged 75–80, as well as younger relatives of survivors of the occupation.

**Keywords:** The Great Patriotic War; the occupation regime; the Spanish Blue Division; memories of civilians who survived the occupation.

В условиях оккупации у людей несколько смещается планка в понятиях «добро» и «зло». Когда ты привыкаешь к тому, что жизнь может закончиться в любую минуту, несколько глупо и наивно выглядит то, что называется «долгосрочное планирование».

Градация доброты оккупантов, их отношение к мирному населению весьма специфичны: эти, например, могут беспричинно убить, а другие – этого себе почти никогда не позволяют. Кто-то зимой может выгнать на мороз, а эти солдаты не будут возражать, чтобы вы остались в собственном доме. Можно долго рассказывать (а таких случаев было немало, хотя бы по теории больших чисел) о конфетах и шоколадках, врученных детям, помощи по хозяйству и тому подобное.

Через несколько месяцев после освобождения Северо-Запада России от немецкой оккупации ЧГК приступила к сбору материалов об ущербе, нанесенном региону. Здесь необходимо понимать специфику акта ЧГК как исторического источника. Членов комиссии особенно интересовали факты преступлений на оккупированной территории, уровень понесенного страной ущерба. Естественно, никакая информация о гуманном отношении к мирным жителям не фиксировалась. В этих условиях многие новгородцы вспомнили обо всех преступлениях и обидах, нанесенных им в 1941–1942 гг. находившимися здесь испанскими солдатами. Что-то повторялось, что-то преувеличивалось, но картина их поведения рисовалась достаточно объемная.

Виды документов ЧГК, в которых упоминаются испанские военнослужащие, достаточно разнообразны. К ним относятся опросы свидетелей, заявления пострадавших, акты о нанесенном ущербе, установление лиц, повинных в совершении преступлений (с дальнейшей передачей материала в органы государственной безопасности). Сложность определения вины той или иной национальной категории военнослужащих заключалась еще и в том, что испанцы покинули этот район летом 1942 г. – за полтора года до освобождения, за два с половиной года до начала работы здесь ЧГК. Большинство местных жителей не видели существенной разницы между немецким и испанским языком оккупантов, тем более, военная форма у тех и у других была практически одинакова. Конкретно про испанцев говорили те жители, которые достаточно тесно общались с ними на протяжении нескольких месяцев. Так, Анастасия Дмитриевна Мухина из деревни Большое Замощье 11 ноября 1944 г. показала: «Когда испанцы гнали зимой 1942 г. русских пленных красноармейцев, трех человек, то немцы в нашей деревне их расстреляли у церкви».

В феврале месяце 1942 г. наш деревенский парень Шалавин Сергей Федорович 1925 г. р. был повешен за то, что испанцы подозревали его в краже колбасы, когда он был подвозчиком. Но разломали ящик с колбасой сами немецкие обозные солдаты, а обвинили в этом Шалавина. Его повесили, даже заставили самого влезть в петлю» [1, л. 13].

Как видно из этих эпизодов, в преступлениях обвиняются не столько испанцы, сколько немцы. Но так было далеко не всегда. В чем обычно обвиняли местные жители солдат «Голубой дивизии»? В первую очередь, в воровстве и грабежах. Естественно, испанцам было холодно и они хотели есть. Но русские деревни сами жили впроголодь, а отнятые теплые вещи часто были единственной одеждой сельчан. Тем более, что нежелание добровольно отдать свои вещи или скот часто заканчивалось весьма печально. Так, «в деревне Лукинщина в январе 1942 г. за отказ отдать корову испанским солдатам был расстрелян из винтовки старик Григорий Изотович Изотов 1881 г. р.

В январе 1942 г. в деревне Бабки был расстрелян из винтовки в своем доме 70-летний старик Василий Иванович Пикалев, когда он оказал сопротивление испанским солдатам, которые отбирали у него валенки прямо с ног» [1, л. 230].

Анна Васильевна Соцкая из деревни Лукинщина рассказала членам комиссии о том, что «в нашей деревне периодически стояли немцы и испанцы из «Голубой дивизии»... Зимой испанцы отнимали все теплые вещи и валенки, независимо, где и от кого, лишь бы нашли. У меня также забрали с печки пару валенок» [1, л. 239].

Иногда кража валенок представлялась как борьба с партизанами. В. М. Иванов вспоминал: «В нашем районе партизан не было, но испанцы их постоянно искали. Зимой было холодно. Приходили испанские солдаты. Искали партизан на печке, а потом у нас из избы пропали все валенки, которые там были» [2].

Александр Петрович Яшин, 1937 г. рождения, в 1941–1943 гг. проживал в деревне Стипенка под Новгородом. Хотя он был маленьким ребенком, ему запомнилось следующее: «Испанцы появились у нас, когда начались первые холода. Они сразу же стали отбирать теплую одежду у местного населения. Причем отбирали не только мужскую одежду, но и женскую. Очень любили большие пуховые платки. Заматаются ими и идут, как большие куклы. Под этими тряпками у них было даже не видно военной формы.

Солдаты были весьма вороватые. Но боялись немцев и, особенно, военную комендатуру. Как-то моя бабушка испекла хлеб, такой круглый, как лепешка, форм-то не было. На всякий случай спрятала его за зеркало. Тут пришли испанцы и стали шарить по избе. Хлеб нашли и потащили его с собой. Тут бабушка стала кричать и угрожать, что будет жаловаться в комендатуру. Испанцы испугались, мол, matka, не кричи, не ругайся. После этого каравай они оставили, а сами ушли» [3].

Одна и та же информация в некоторых показаниях повторяется. Это говорит о том, что описываемые события были известны достаточно широкому кругу лиц. Так, из протокола опроса свидетеля Варвары Александровны Жучковой, 1913 г. рождения, деревня Лукинщина, следует: «В августе 1941 г... я была очевидцем следующих злодеяний, учиненных немцами и испанцами. С августа 1941 г. до января 1944 г. в нашей деревне стояли немцы и испанцы пехотной части. С первых дней они стали отбирать теплую одежду, валенки, шубы, шапки, скот, птицу.

У меня испанец отобрал валенки. При этом население облагалось налогами на мясо, зерно, овощи и картофель. Они разоряли колхозные постройки, скотные дворы, хлебные амбары на дрова.

Избивали и арестовывали без причин мирное население. Так, в январе 1942 г. испанец арестовал Изотова Григория Изотовича 1881 г. р. и по дороге из винтовки убил его за то, что он не отдал испанцу свою корову» [1, л. 241].

Никитина Александра Павловна, 1897 г. рождения, из деревни Курицко дополнила эти показания: «В середине августа 1941 г. немцы, а затем испанцы стали грабить население, переловили и перебили всех кур. Они сразу отобрали целое стадо коров. Зимой 1942 г. испанцы сдирали прямо с ног валенки, теплые вещи. У меня в доме двое испанцев, угрожая оружием, отобрали валенки» [1, л. 258].

Протокол опроса 17 марта 1945 г. свидетеля Николая Васильевича Храмова 1895 г. р., Моисеевский сельский совет: «В ноябре 1941 г. меня испанский солдат в моем доме избил кулаком по лицу, когда от меня другие солдаты отбирали сено, а я их просил не отбирать...

Зимой 1942 г. от моей жены и сына испанцы силой содрали с ног валенки» [1, л. 274].

Из акта № 171 по Новгородскому району от 3 апреля 1945 г.: «В ноябре 1941 г. испанский солдат избил кулаком Жохова Федора Ивановича за то, что испанец отобрал у его дочери гитару, а он просил ее отдать обратно» [1, л. 289].

Заявление в ЧГК Василия Ивановича Антонова, 26 лет, житель города Новгорода: «...у меня в конце 1941 г., зимой, отобрали корову, кур и 4-х овец. Все это забрали в несколько приемов...

Испанцы больше хулиганили в доме. Из вещей у меня испанцы отобрали шапку, сапоги, варежки. Испанцы ходили с ножами, а немцы – с огнестрельным оружием» [4, л. 36 об.].

Севернее от Новгорода, на Волхове, и южнее – в Поозерье, на берегах озера Ильмень, преступления солдат «Голубой дивизии» весьма однотипны: «Зимой 1941 г. испанцы избили 84-летнего старика Гаврилова Василия в деревне Яровицы в его доме, когда тот пытался сопротивляться, – у него отбирали валенки.

Осенью 1941 г. сильно избили прикладами винтовок Архипову Анастасию в той же деревне, когда она пыталась оказать сопротивление при отборе ее коровы. Корову отобрали, а Архипову заперли в доме» [5, л. 165].

Протокол опроса Анны Ивановны Гараховой, 1919 г. рождения, Заболотский сельсовет: «...с наступлением холодов зимой 1941 г. испанцы стали отнимать у населения теплые вещи, валенки, шапки. От меня из дома отобрали валенки и валенки моего дедушки, Гарахова Василия 84-х лет, на которого кричали и наставляли винтовку за то, что он не хотел отдавать валенки. Его избили по лицу до крови кулаками. При этом напугали моих двух малолетних детей и бабушку.

Отобрали валенки у Архиповой Анастасии 70-ти лет, от Гороховой Анисьи и других жителей деревни. Когда в 1941 г. забирали корову у Волковой Анны, а она оказала сопротивление, то ее испанские солдаты сильно избили прикладами, а затем заперли в избу и тогда угнали корову» [5, л. 178].

Из протокола опроса Ивана Ивановича Андрианова, 1888 г. р., деревня Заболотье: «С наступлением холодов, зимой 1941 г., испанцы от меня отобрали валенки, теплую рубашку, перчатки. Весной 1942 г. у моей сестры, Парасковьи Григорьевны, испанский солдат сорвал валенки с ног, так что обратно в город ей не в чем было идти. Отбирали валенки и теплую одежду у всех» [5, л. 168].

Названия деревень в показаниях свидетелей разные, но ситуации очень похожи друг на друга. Так, Прасковья Степановна Серова, 1890 г. рождения, из деревни Десятина Заболотского сельсовета, вспомнила следующее: «Испанцы часто ходили в нашу деревню. Они отбирали у населения валенки, теплые вещи, коров, кур, овец, даже керосин. Брали все, что попадет. У меня

испанский солдат отобрал валенки, снял валенки с ног моей дочери. От Серова Виктора с головы прямо на улице сорвали шапку. С Серовой Марии – платок, у Серовой Акулины увели корову» [5, л. 197].

Из опроса Андрея Матвеевича Мазанова, 1887 г. рождения, деревня Островок Заболотского сельсовета, следует: «...Из нашей небольшой деревни испанцами было отобрано 2 коровы, 2 свиньи. От меня испанцы стащили с ног валенки зимой 1942 г. у меня в доме. Когда я попытался сопротивляться, то на меня испанец наставил пистолет, угрожая убить. В тот же раз с ног моей жены они сняли валенки. Были еще отобраны валенки от многих других жителей. От подростка Кушина Петра, когда он зимой шел по дороге, испанец снял шапку» [5, л. 171].

Иван Алексеевич Митрофанов из деревни Гвоздец с возмущением рассказывал: «В ту же зиму 1942 г. испанцы содрали с ног в поле на дороге у идущего Гришина Михаила Алексеевича, и он босиком, избитый, едва прибежал в деревню. Много отняли валенок у живущих в деревне инвалидов из инвалидских домов. От гражданки Филипповой Прасковьи Алексеевны испанцы отобрали все валенки, при этом избили ее очень сильно ручными гранатами, мне тоже угрожали гранатой.

Гражданку Прошину Марфу зимой 1942 г. испанцы сильно избили за то, что она заявила в комендатуру, когда от нее испанцы отобрали козу. Козу не возвратили» [5, л. 215 об.].

В своих воспоминаниях испанцы часто пишут о том, как их поразила нищета России, убогость в одежде местного населения. Но, судя по всему, они были сами повинны в этой «излишней скромности в одежде». Рассмотрим протокол опроса Дмитрия Степановича Гаврилова 1891 г. р. из деревни Любояжа Заболотского сельсовета: «В нашей деревне немцы и испанцы стояли не всегда. Они проявили здесь себя как грабители, как самые мерзкие негодяи. С наступлением холодов испанцы стали отнимать у населения теплые вещи. Народ вынужден был ходить кое-как, в тряпье, а эти вещи подальше прятать. У меня из дома испанцы отобрали валенки. Также отняли валенки от Федорова Андрея, едущего зимой на подводе, и домой он пришел босиком. От моей матери Гавриловой Агафьи они отобрали все, что у нее было: три пары валенок» [5, л. 205].

Рассказывая членам комиссии об оккупации, люди, безусловно, воспринимают испанцев и немцев как союзников. Василий Иванович Кононов так описывал первую военную зиму: «В нашей деревне стояла часть связи, состоящая из испанцев. Испанцы, находящиеся здесь, ограбили практически

все. У нас было отобрано три коровы, большой бык, телята, овцы и куры были отобраны у всех. Сдирали прямо с ног валенки, отнимали теплые и другие вещи – все, что найдут.

Они вместе с немцами пригнали все общественное стадо коров в деревню осенью 1941 г. и стали из оружия стрелять по коровам. При этом убили и корову Тюлевой Марины.

У старушки Костиной Натальи, идущей в церковь, испанцы содрали с ног валенки зимой 1942 г. в поле за нашей деревней. Зимой 1942 г. у меня испанцы в доме отняли две пары валенок и подушку. Народ уже не смел обуваться в теплые валенки и одеваться в хорошую одежду» [5, л. 212].

По этим эпизодам можно отметить следующее: испанские солдаты отбирают теплую одежду, дерутся с людьми, которые сопротивляются, когда их раздевают, при краже коров предпочитают хозяев запирают дома, чтобы те не мешали им уводить их «боевой трофеей».

Мяукающий «зайка» на столе испанских солдат хорошо запомнился многим новгородцам. В 80-х гг. информацию о сражении на Волхове в 1941–1942 гг. собирал московский историк Б. И. Гаврилов: «По рассказам местных жителей, испанцы находились в Замошье как бы на отдыхе. В отличие от немцев, больших безобразий себе не позволяли, общих реквизиций не делали. Армейского пайка им не хватало, и они съели в деревнях всех кошек, употребив на жаркое вместо кроликов» [6, с. 111].

Но и гораздо позднее, в сентябре 2013 г., Виктор Михайлович Иванов из деревни Ракомо вспоминал: «В деревне Ращеп испанцы украли у моей бабушки ее кота, которого они зажарили. На обед была приглашена и ничего не подозревающая владелица. Собрав косточки от съеденного «зайчика», она решила угостить свою кису, стала говорить: “мяу, мяу, мол, иди ко мне, я тебя угощу!”. Солдат это очень развеселило, и они объяснили ей, кому принадлежат остатки от обеда» [2].

Если в краже пищи, теплых вещей, икон есть хоть какая-то логика, то для чего испанцы, походя, прихватывали нехитрое, но часто крайне громоздкое крестьянское имущество? Так, зимой 1941 г. они сильно избили кулаками и носками сапог Анну Мицихину, отбирая у нее шкаф в деревне Курицко. Объяснение этому весьма прозаично. То, что воровалось в одной деревне, часто становилось предметом продажи в другой. Из заявления Данилы Фроловича Кузнецова, Новгородский район, следует: «...кроме немцев, тут стояли еще испанские части. Солдаты этих частей очень часто воровали по домам, а потом перепродавали или меняли в других деревнях награбленное имущество» [5, л. 105].

Любовные похождения испанцев – это тема для отдельного разговора. Но даже по прошествии более чем семидесяти лет местные жители в Новгородском Поозерье вспоминали про них. Образ любвеобильного «мачо» был следующим: голодный, замерзший и крайне вороватый. Жительница деревни Хотяж Валентина Федоровна Петрова описывает их так: «Испанцы нам настолько въелись в душу, что мы после войны обычно говорили не про немцев, а про них. Мама, бывало, с кем-то встретится и они говорят: «А помните испанцев-то...».

Деревня наша лежит в стороне от дороги. Может быть, поэтому немцев и испанцев у нас на постое и не было. Но испанцы нас часто навещали.

Если в хлев попадали, а там еще курочка какая-нибудь недобитая, они ее ликвидировали: сразу сажали в мешок. Я думаю, что им все время хотелось есть. Они одеваться хотели. Валенки снимали. Как приходили, то сразу просили печку затопить. Не могли нагреться.

Если испанцы появлялись в деревне, а они приезжали на лыжах или на санях, сразу все жители прятали свои валенки по домам. Знали, что если испанцы валенки найдут, то обязательно отнимут.

А еще они с осени к молодежи приходили (в деревне тогда много молодых было, не то что сейчас), а потом они девчонок ловили. У меня сестра была, 16 лет. И был такой чернявый, как сейчас его вижу, Хуан его звали, и он полюбил мою сестру Анну. Он говорил, что обязательно заберет ее с собой в Испанию, как только кончится война. Мама-то, конечно, ее прятала, говорила, что она молоденькая, должна подрасти. Но он ее не трогал. Говорил, что Ньюшетту заберет в Испанию.

А у мамы была в подвале вырыта ямка, она Анну в подпол, а на крышку от него накатывала бочку с огурцами. Вот так она и прятала свою девчонку, и испанцам ее было не найти. И так каждый раз.

Но уж очень они хулиганистые были, эти испанцы. Идет деда Сережа с колодца. И эти три испанца, которые ходили к моей маме, отобрали у него шапку, а морозы были страшные...» [7].

Рассказ В. Ф. Петровой несколько дополняется воспоминаниями жительницы той же деревни Хотяж, Т. П. Сониной: «От испанцев мы худобы не видели. Но они-то не жили у нас! Они к нам на вечеринки, на танцы ходили. У нас крайний дом пустой стоял. И немцы, и испанцы приходили из Клопского монастыря, в Липицах тоже жили они.

Из хулиганства их помню, что все им подавай: яйца, куриц, молоко. Сапоги с людей снимали. Вот идут в церковь наши люди, а хороши вещи не надевали. Надевали всякое старье. Вот что значит война!» [8].



Серьезные конфликты возникали между русскими и испанцами из-за тепла в доме. Хозяева отлично знали возможности своих печек, сильно боялись пожаров в деревянных домах, тем более, что после прибытия непрошенных гостей они заметно участились. Так, зимой 1942 г. испанцы сильно избili прикладами и кулаками Ивана Васильевича Алексеева из деревни Лукинщина за то, что хозяин их попросил меньше топить во избежание возможного пожара, что было принято испанцами с крайним возмущением [1, Л. 230 об].

Этот случай не был единичным. Никитина Александровна Павловна из деревни Курицко заявила: «В феврале 1942 г. испанский солдат ударил меня кулаком по лицу за то, что я попросила поменьше топить печь в доме» [1, Л. 258].

Если вдуматься в смысл русского слова «немцы» – немые, т. е. не понимающие русского языка, – еще более станет понятно, что весьма часто конфликты возникали из-за взаимного непонимания. Мало кто из испанцев в 1941 г/ говорил по-русски, да и испанский язык на новгородчине не был распространен. Так, в августе 1942 г. комендант деревни Самокража, испанский офицер Анхель (*так в актах ЧГК. – Б. К.*), избил палкой старика Савельева Ивана Савельича 1884 г. р., угрожал ему пистолетом за то, что тот не сразу понял его приказ [1, л. 231].

Сам пострадавший так описал этот случай: «В августе 1942 г. меня испанский офицер – комендант Анхель – избил палкой за то, что он приказал мне привязать ремни к седлу, а я сразу его не понял. Затем он угрожал мне пистолетом. Он часто избивал людей и славился своей жестокостью» [1, л. 248].

Ивана Андрианова испанский солдат стукнул за ругань на лошадь. Животное остановилось посреди лужи, а возчик использовал при обращении к нему слова с определенным смыслом. При этом испанец, явно уже выучивший эти выражения, принял их на свой счет [5, л. 168 об.].

Испанцы били русских, а немцы иногда вымещали свою злобу на своих союзниках: «Кулакова Николая, Кулакова Матвея испанские солдаты не пустили рано утром выехать на работу по направлению военной комендатуры, а за это их в комендатуре немецкий комендант избил резиновой палкой по лицу и по голове» [1, л. 277].

Чувство безнаказанности часто порождает если не преступление, то нарушение общепринятых норм морали. Василий Иванович Кононов из деревни Липицы 25 января 1945 г. сообщил членам ЧГК: «...В нашей

деревне многих граждан немцы и испанцы избивали беспричинно. Меня испанский офицер в январе 1942 г. избил кулаком по лицу за то, что я не пустил дочь к нему на вечер. Также гражданку Тюлеву Анну испанский солдат избил за то, что она не дала солдату дочку для офицера. Гражданку Баринову Марию испанский солдат ударил кулаком по лицу за то, что она не сразу открыла ему дверь. Пелину Екатерину солдат-испанец избил за то, что она ему плохо приготовила пищу» [5, л. 212].

Жизнь в оккупации – это состояние полного бесправия. И пусть кто-то из немецких или испанских офицеров иногда жалел местных жителей: стариков, женщин или детей, но когда возникал вопрос, кого он больше ценит, за кого отвечает: за русских или за своих солдат, – его ответ был, конечно, однозначным – за своих.

За долгие месяцы нахождения в России некоторые добровольцы «Голубой дивизии» стали понимать, что страдания простого русского населения мало компенсируют потери испанцев во время гражданской войны. Хотя и новгородец В. М. Иванов в своих воспоминаниях 2013 г. отметил: «Я не помню, чтобы испанцы хоть кого-либо обидели [*кроме, конечно, кражи валенок и съеденного кота. – Б. К.*], как, например, латыши. Этим ничего не стоило просто так избить человека палками, выстрелить» [2].

Собрав материал о поведении испанцев на оккупированной территории новгородчины, ЧГК лишь двух военнослужащих «Голубой дивизии» определила как военных преступников:

1) Муньос Грандес – командир 250 испанской «Голубой дивизии», принимавший непосредственное участие в злодеяниях над гражданами Новгородского района;

2) Баско Антонио – старший лейтенант, офицер «Голубой дивизии» – организатор неоднократных расстрелов мирных граждан и военнопленных [5, л. 286].

На фоне злодеяний других оккупантов в количественном отношении подобное выглядело весьма скромно. Но все это было преступлениями по отношению к мирному населению в экстремальных условиях войны.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новгородской области, Ф. 173. Оп. 1. Д. 23.
2. Интервью с Ивановым Виктором Михайловичем. Интервью взято 12 сентября 2013 г.

3. Интервью с Яшиным Александром Петровичем. Взято 14 октября 2013 г.
4. Государственный архив Новгородской области, Ф. Р -1793, Оп. 1, Д. 24.
5. Государственный архив Новгородской области, Ф. Р -1793, Оп. 1, Д. 25.
6. Гаврилов Б. И. Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й Ударной армии // Б. И. Гаврилов // Дубрава – М., 2006. – С. 480.
7. Интервью с Петровой Валентиной Федоровной. Взято 26 октября 2013 г.
8. Интервью с Сониной Татьяной Петровной. Взято 26 октября 2013 г.